

ГЛАВНЫМ БЫЛО – ВЫЖИТЬ

Всего на территории Германии и оккупированных ею стран действовало более 14 тысяч концлагерей. За годы Второй мировой войны через эту чудовищную фабрику смерти прошли 18 миллионов человек, из них пять – граждане Советского Союза. Фашисты создавали их и на оккупированной территории. Так, в Беларуси функционировало более 260 лагерей смерти и мест массового уничтожения людей. Самыми крупными были Тростенец, Минское гетто, Озаричи. В Жодино в настоящий момент проживает 58 узников. Среди них немало тех, кто был угнан в Германию или заключен в лагерь смерти на территории Беларуси. Вот что вспоминают эти люди.

ГАЛИНА НИКИТКО:

— Я не забыла ничего, хоть на тот момент мне было всего пять лет. Мы жили в Борбруйском районе, в деревне Орсичи. Помню то утро, когда нас всех согнали в деревенскую школу. Мама, я, два брата, сестра, бабушка с бабушкой — вся моя семья не избежала страшной участи. Староста ходил со списком и указывал, у кого родные в партизанах, а у кого на фронте. Затем всех погрузили в машины и повезли. Мы тогда еще не знали, что попали в самый страшный концлагерь — Озаричи. Голод, холод, унижения — все это страшно вспомнить. Нас даже тифом заразили — эксперименты ставили. Говорят в Озаричах из 50 тысяч человек, половина не выжила. Среди них и мои бабушка с бабушкой. Теперь там памятник поставили. Моя семья часто бывает в Озаричах.

БРОНИСЛАВ КОЗЛОВСКИЙ:

— Наша семья жила в Червенском районе. Это партизанский край, и многие, если не были в партизанах, то помогали им. Мне тогда было всего два года, а потому я все знаю только по рассказам родителей.

Кто-то доложил немцам, что мой отец связан с партизанами. Это был 1943 год. Те подогнали машину к дому и сказали собраться или расстреляют на месте.

И нас куда-то повезли. Далее была какая-то станция, где нас погрузили в вагоны и отправили в Германию. Там мы были не в лагере, а на вольном поселении, родители работали на заводе. После того, как мама (она работала сверловщицей) получила травму, нас перевезли в сельскую местность, на ферму. Здесь было по-

легче. У меня в памяти остались длинный барак, шторы и много-много ярусов, на одном из которых мы все и жили.

В 1945 году нас освободили американцы. Свезли всех на аэродром, приехали представители Красной армии. Американцы предлагали нам ехать к ним в страну, уговаривали. Отец сказал: «У нас есть Родина, и мы туда возвращаемся!» Нас долго проверяли в Советском Союзе. Мы вернулись в свою деревню и обрадовались, что наш дом уцелел. С нами жили все родственники, пока не построили свои землянки. Когда мой сын учился в Праге, познакомился с немцем из Мюнхена. Они подружились. Оказалось, что отец нового друга — адвокат. Он нашел все сведения о нашей семье в немецких архивах. В документах были зафиксированы все наши передвижения в Германии, даже суммы, которые нам выплачивали за работу.

ИВАН ПОПКОВ:

— Я самый малолетний узник — мне было всего несколько месяцев, когда моя семья попала в лагерь. В то время мы жили на Брянщине — партизанский край. Однажды возле нашей деревни партизаны напали на немцев. На следующий день те окружили деревню и хотели сжечь всех жителей. Староста дед Демьян стал на колени, чтобы упростить не убивать людей. Нас погрузили в машины и куда-то повезли. Все это я знаю из рассказов родителей. После войны мы не заводили разговор о том времени... И я конкретно не могу рассказать, в каком лагере мы были.

ВИКТОР КАРПИЕВИЧ:

— Родился в 1933 году в деревне Крупеники Любанского района. До войны окончил первый класс. Отец ушел на фронт добровольцем. Остались мама, я, брат и сестра. Помню, как среди белого дня приехали на мотоциклах немцы, потом подтянули машины с кухней. Базировались на аэродроме, который находился рядом с нашей деревней. Сюда я и ходил, чтобы поменять яйца и самогон на хлеб, конфеты. Пройти на территорию аэропорта можно было только детям, настолько он серьезно охранялся. По дороге я заходил к бабушке, который давал яйца. Однажды там встретил партизан. Они попросили наладить связь с кочегаром — это был наш человек. Позже стал носить туда взрывчатку — партизаны готовили нападение на объект. Раз в три месяца я рисковал жизнью, переносил тротил. Остальные дни в корзинке были яйца и самогон, которыми угощал немцев. Назад приносил записки, в которых был план территории. Мне было тогда 10 лет. Помню, как все за меня переживали. В октябре 1943 года

гизаны сказали, чтобы больше на аэродром не ходил. А еще через пару дней они разгромили объект.

Однажды на рассвете немцы нагрянули в деревню, всех погрузили в машину, подожгли дома, людей повезли в Барановичи. Мы оказались на сортировочном пункте «Лесная». Сюда со всей Беларуси свозили людей для отправки в Германию. Отбирали сильные семьи. Наша мама заболела, а потому мы оставались в лагере, где круглые сутки работал крематорий. Утром была переключка и каждого третьего сжигали. Однажды и мама попала в этот список. Хорошо, что у нее на пальце полицейский заметил золотое обручальное кольцо и подсказал, чтобы она может откупиться. Мы кое-как его сняли и отдали немцу. Так мама осталась жива. Перед отступлением наш лагерь хотели сжечь: бараки обложили соломой, облили бензином, оставалось чиркнуть спичкой. Но не успели. Наши наступали слишком стремительно. Как мы плакали, обнимались!

ВАЛЕНТИНА САХАНЕВИЧ:

— Родилась я в деревне Поляны под Зембином. Отец рано умер. На руках у матери нас было трое, когда началась война. Тогда, в 41-м, деревня горела от фугасок, люди прятались в болотах, вблизи озера Палик. Самый настоящий ужас испытали мы летом 1942 года, когда в своем огороде убирали коноплю. В самый разгар уборки увидели пять вражеских бомбардировщиков. Мама сказала: «Не бойтесь, они полетят дальше, бомбить болота». Но вдруг самолеты начали снижаться и делать разворот. А вскоре на нас посыпались бомбы. Фашисты прекрасно видели, что убивают беззащитных людей. И только скинув весь смертоносный груз, они улетели. Мы чудом остались живы. К 1943 году Поляны были сожжены дотла. Люди жили в землянках, вырытых на пепелищах. Мои сестра и брат были связными у партизан. Наступил 1944 год. В деревнях к этому времени не осталось никого, кому бы исполнилось 16-18 лет — всех угнали в Германию. В 1944 году дошла очередь и до нас. В то утро в Поляны нагрянул вооруженный до зубов карательный отряд с собаками. Оцепив деревню, всех выгнали из землянок, забрали скот. Люди долго стояли в неведении: думали, что их привели на расстрел. Однако к вечеру всех погрузили в машины и повезли в Борисов. Чуть позже перевезли в концлагерь в Печах. Сколько мы там были, не знаю. Однажды ночью нас погрузили в товарняк и куда-то повезли. Часто состав бомбили советские самолеты — откуда им было знать, что немцы везут в товарняках на Запад. Так мы доехали до Бреста. Состав остановился недалеко от деревни Подлесье. Была слышна канонада — приближалась наша армия, и это вселяло уверенность, что останемся живы. Однажды немцы стали убегать, бросив своих недавних пленников. Запомнила на всю жизнь тот день, когда во двор въехал советский танк. А через неделю наша семья и другие люди двинулись в обратную дорогу. Домой вернулись только к сентябрю, испытав и холод, и голод. Но это была дорога домой. Только в 1951 году у нас появилась своя хата. Все это время мы жили в землянке е. Мама всех нас выучила, дала высшее образование. Я окончила пединститут, преподавала в Раковском детском доме, затем в Корсаковичах. На одной из педагогических конференций познакомилась со своим будущим мужем. В 1973 году переехали в Жодино, где оба работали в школе. Я преподавала белорусский язык и литературу, историю и географию в СШ № 4, затем в СШ № 6. С 1992 года на заслуженном отдыхе. И хоть времени прошло достаточно много, я никогда не забуду свое нелегкое детство.

Подготовила Лилия АЛЕХНОВИЧ

